

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

*Ольга Трофимова***«Я с мужем, моя сестра с мужем, сестра мужа с мужем...»**

Рецензия на книгу: В.А. Попов, А.А. Бурькин,
Русские термины родства: Опыт исследования коммуникативного дискурса,

«Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства», вып. 18, РАН Санкт-Петербургский научный центр, АНО «КИО», Санкт-Петербург 2019, 304 с.

В заголовок рецензии вынесена часть фразы из книги *Легенда и жизнь* Н.А. Тэффи «Я с мужем, моя сестра с мужем, сестра мужа с мужем, и мадам Булкина», позаимствованной в корпусе иллюстраций из книги *Русские термины родства: Опыт исследования коммуникативного дискурса*. В цитате в очень сжатой форме отражается анализируемая в книге система русского родства и свойства. Книга вышла в серии «Алгебра родства», в альманахах которой результаты своих исследований семейных и родственных отношений в культурах народов мира публикуют лингвисты, этнографы, социальные антропологи разных стран. Авторы, два доктора наук, этнограф В.А. Попов и лингвист по основной сфере своих интересов А.А. Бурькин, на протяжении долгого времени изучают феномен и терминологию родства на материале различных, в том числе восточнославянских народов, языков и диалектов.

Нельзя не согласиться с мнением авторов монографии о том, что

русская терминология родства и свойства (ТРС) для исследователя – это и простой, и одновременно чрезвычайно сложный объект для изучения. Он выглядит простым, потому что, как представляется, можно взять самый народный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и найти там все, интересующее читателя. Однако этот же объект оказывается сложным потому, что русская ТРС по словарю В.И. Даля и его последователям-русософилам, – это терминология отношений внутри крестьянской или мещанской семьи середины XIX в. Какие термины родства использовались в среде столичной аристократии, семействах помещиков,

военных, духовенства, купцов, чутко следивших за языковыми изменениями, – ответов на такие вопросы пока нет (с. 8)¹.

Следовательно, актуальным становится вопрос: какой социальной реальности соответствует та русская система терминов родства и свойства, которая

извлекается из современных словарей русского литературного языка и которая частично (важно, что практически никогда полностью) представлена в большинстве русских текстов XIX–XX вв.? Она может быть воспроизведена в виде следующего алфавитного списка: *бабка/бабушка, брат, внук, внучатая племянница, внучатый племянник, внучка, двоюродная сестра, двоюродный брат, деверь, дед/дедушка, дочь, дядя, жена, золовка, зять, мать/мама, муж, невестка, отец/папа, племянник, племянница, прабабка/прабабушка, правнук, правнучка, прадед, сват, сватья, свёкор, свекровь, свояченица, сестра, сын, тесть, тётя/тётка, тёща, троюродная сестра, троюродный брат, шурин, ятровь* (с. 17).

В современной языковой ситуации часть этих терминов утрачена, однако многое, хотя и осталось, но, как свидетельствуют опубликованные источники, используется не всегда правильно. Иллюстрации, далеко не единичные в исследуемом корпусе, говорят сами за себя: «*Шурин, зять, деверь, тесть* – ни бельмеса в этом не понимаю!» [Бондарев Ю., *Родственники*] (с. 28); «А пока к Кириллу не вернулась память, советником Аристарха Витке стал его *шурин* (или *деверь* – вечно путаю эту родственную топонимику), брат жены, короче» [Ольховская А., *Страшнее пистолета*] (с. 123).

Родственные отношения в российской действительности напрямую увязаны с «квартирным вопросом», эту связь в её доведенности до абсурда демонстрируют современные тексты, например:

Я одинок и живу в однокомнатной квартире. Совершенно один. Квартирка маленькая, но места много, потому что *тете* нужен простор. Женщина она крупная, а чтобы было еще просторней, врач посадил ее на бессолевую и безводную диету. И весь день она не ест соли и не запивает ее водой. И только перед сном она засыпает в свой рот соли. *Бабушка* от хруста чужих зубов просыпается и кричит из чемодана, что ей мешают читать. А вот *свекру* на полу не спится. Ему, видите ли, холодно на линолеуме. И теперь он спит под линолеумом. И пока *свекор с деверем* укладываются, мы с *братом* держим на руках шкаф. Осторожно, чтобы не разбудить *бабушку* [Мелихан К., *Квартирка*] (с. 35).

Изучение места и роли тех или иных терминов или описательных оборотов в русской языковой картине мира – в том виде, как она отразилась в русских текстах (и, соответственно, условий для выбора говорящим одного из вариантов номинации, т.е. коммуникативный аспект исследования), стало возможным благодаря современным цифровым технологиям. Исследовательское поле – огромный массив опубликованных на русском языке художественных, публицистических, а также мемуарных и научных произведений и отдельных изданных рукописных деловых текстов XVIII–XXI вв., интернет-коммуникации, которые вошли в созданную в Санкт-Петербургском Институте

¹ Здесь и далее в скобках указывается страница рецензируемого издания.

лингвистических исследований РАН «Библиотеку лексикографа», включающую на сегодняшний день более 200000 текстов. Выводы, к которым пришли авторы монографии, доказывают справедливость авторского тезиса о том, что электронный ресурс позволяет решить несколько задач, «которые ранее даже не стояли на повестке дня», – это

поведение терминов родства в разных типах дискурса, аксиологические характеристики ТР и ТС, а также стилистические свойства ТРС и их использование в разных жанрах художественной литературы. Аксиологические характеристики ТРС могут наблюдаться с объективностью только на значительном массиве текстов, представляющих либо объемный по времени континуум, либо репрезентативные синхронные срезы (с. 199–200).

Значим при описании специфики функционирования русской СТР в российских исторических условиях следующий пример, напоминающий читателю, насколько важны – и не замечаемы в обычной жизни, пока всё хорошо, – эти базовые родственные отношения: «Прежде всего, ликвидируются семейные связи. Лагерник не имеет права быть *отцом, братом, мужем* и другом. Все это он оставляет, входя в лагерь» [Марголин Ю., *Путешествие в страну эзка*] (с. 28). Насильственное устранение из жизни базовых человеческих отношений и самой возможности использовать в речи базовые термины родства кардинально меняет и систему общества, и психологию человека.

Слова *отец, брат* относятся к базовым терминам родства, *муж* – к базовым терминам свойства. Авторы монографии обращают внимание на то, что

противопоставление кровных родственников как людей более дорогих и близких, чем вся родня по браку, включая *мужа*, [...] нашло свое выражение в культуре и литературе: «– Замуж выйду, *муж* будет; будет *муж* – *свекор* будет; *муж* будет – *сын* родится, а *сын* у *свекра* родится – *деверь* мне будет. А *брата* мне уж нигде не взять – родители мои в Рязани сгорели» [Бородин С., *Дмитрий Донской*] (с. 201).

Тема – из русских баллад², нашедшая своё развитие в теме исторической памяти, воссоздания родословной, значимой для определенной части пишущих по-русски: «Ведь я родился не сам по себе. До меня был мой *папа, двоюродный брат* Лодиного *папы*. Был мой *дед, родной брат* Лодиного *деда*. И общий *прадед*. В сущности, мы из одного древа» [Токарева В., *Рассказы и повести*] (с. 53).

Базовые термины родства (ТР) русских, например, ТР +2 поколения – *дед/бабка*; ТР +1 поколение – *отец/мать*; ТР 0 поколения – *брат/сестра*; ТР –2 поколения – *внук/внучка*, представлены в монографии только словарными определениями и иллюстрациями, во-первых, потому, что встречаются в огромном количестве текстов (от 20% до 75% текстов в исследуемом корпусе), во-вторых, потому, что имеют только одно значение. Но авторов (и читателя тоже!) эти базовые термины привлекают в системных

² См., например, в современном переложении: *Авдотья Рязаночка. Былины в пересказе Бориса Викторовича Шергина*, Детская литература, Москва 1982, <https://www.litmir.me/br/?b=271292&p=1> [дата обращения: 16.12.2020].

отношениях – например, через призму родственных отношений известных исторических деятелей:

На Новый год у меня всегда одна и та же роль – я Дед Мороз. Всегда собираемся всей семьей: я, Наина; Лена и ее *муж* Валера; Таня и ее *муж* Леша; три моих *внука*, дети Лены, – 20-летняя Катя, 17-летняя Маша и двухлетний маленький Ванька; два *внука*, дети Тани, – 19-летний Борис и четырехлетний Глеб. Итого пять *внуков* и один *правнук*, сын Кати, Санечка. В этот последний Новый год Катя впервые пришла со своим *мужем*, Шурой. ... Недавно у Кати родился *сын*. Я стал *прадедом*, а Наина – *прабабушкой* [Ельцин Б., *Президентский марафон*] (с. 29).

Характеризуя употребление базовых терминов родства, авторы отмечают у них развитие новых значений, например: у слов *прадедушка* и *дедушка* – значения ‘предшественник по занятию, профессии, ремеслу’ (ср.: «Мой *дедушка* Чехов и *прадедушка* Пушкин» [Битов А., *Автобиография*]); ‘предшественник по функции, времени существования’: «*Прадедушка* трех спецслужб»; «*Прадед* тираннозавров был найден в Китае» [интернет]; ‘прототип, прообраз (об изделиях, механизмах, приборах)’: «Понемногу о многом: *Прадедушка* плащей»; «*Прадедушки* современных компьютеров» [интернет]. У слова *прадед* «вырисовывается “зоологическое” значение ‘потомок животного в +3 поколении’: “Тигр присел: – А как же без мяса, Лев?! Всю жизнь и *деды* и *прадеды*... И вдруг – трава? Предки в земле перевернутся!”» [Альтов С., *Собачья радость*] (с. 39–40).

Так как, по словам авторов, именно «коммуникативный дискурс русских терминов родства, супружества и свойства является основным предметом рассмотрения в предлагаемой читателю монографии» (с. 6), при этом преимущественно анализируются отношения второго и третьего порядка, которые можно проиллюстрировать примерами *брат матери*, *сестра жены* и *сын брата отца*, *жена брата матери*, становится понятно, почему одной из проблем, поднятых в монографии, является проблема выбора номинации родственника или свойственника: употребить термин или описательный оборот? Приводя примеры из текстов разной функционально-стилистической природы, авторы в частности указывают: «Предпочтение сочетания *брат мужа* слову *деверь* – характерно для авторов 1930–1950-х гг. и даже более позднего времени: “Если одна наша знакомая найдет комнаты для себя и *брата мужа*, то последний передаст тебе свою”» [Веденеева Н., *Письма*] (с. 170), – особо отмечая исторические научные тексты с принципиальной для них корректностью терминологии: «В 1905 г. Кирилл женился на принцессе Виктории-Мелите Гессенской. Хотя она и принадлежала к царствующему дому, брак этот опять-таки лишал Кирилла и его потомков прав на престол, поскольку: [...] г) невеста была *двоюродной сестрой* Кирилла (а в России на брак кузена с *кузиной* требовалось особое разрешение церкви)» [Бушков А., *Россия, которой не было*] (с. 52).

Отдельная глава монографии посвящена описанию основных моделей коммуникативного дискурса русских терминов родства и свойства. Авторы отмечают наличие в корпусе большого количества текстов, «корректных в лингвистическом плане и позитивных по дидактическим устремлениям описания русской системы родства». Например, характерный пример лингвистического

описания: «В языках славян существует богатая терминология родства: тут и *отец*, и *мать* [...]. Отношение к роду выражалось словами “*дедина*”, “*родина*”, “*отчизна*”, “*община*” – все они обозначают общность владений и общность имущества» [Кондратов А., *От тайны к знанию*]. Типичное этнографическое описание выглядит так: «“Свой своему поневоле *брат*” – родство не ограничили стены изб. *Сваты, сватьи, крестные, божатки* [...] Вестимо, “русский без родства не живет”! Связи по родству и свойству пронизывали встарь деревни и волости» [Полуянов И., *Деревенские святцы по устным народным календарям*] (с. 211–212).

Первую дискурсивную модель авторы назвали **модальным фокусированием**. Одной из разновидностей её является

гиперконцентрация отдельных ТС в пределах одного или нескольких рядом расположенных абзацев, после которых эти термины уже не употребляются. В границах текста таким образом достигается [...] эффект минимизации эмоционально-экспрессивной информации, которую несут данные термины, и ее нераспространение в большем объеме текста. [...] Пример: «Вася Конев улыбнулся и, потрогав острый подбородок, сказал: – Вспомнил, я прихожусь жениху *деверем*... – *Деверем* жениха? – рассмеялся я. – А ты знаешь, кто такой *деверь*?» [Козлов В., *Приходи в воскресенье*]. Все три фиксации в тексте слова *деверь* представлены в этой цитате (с. 214–215).

Вторая модель, **семантической девальвации**, имеет две разновидности.

Первая из них – **компенсационная диверсификация** ТРС в одной фразе, т.е. употребление ряда ТРС как однородных членов предложения, а также использование описательных синонимов, поясняющих ТРС, которые находятся уже на грани утраты. [...] Пример: «Знали только, что вот эти двое, в кубовых рубахах и в лаковых сапогах, какие-то *внучатые племянники*; есть здесь *кумы*, дети чьего-то *деверя*, и *дяденьки* и *свояки*. Не знали, что за *свояки*, почему *свояки*. Смотрели на Софьюшку, вываливавшую груды блинов на стол, знали, что *дальняя внучка дедушки*, а им, значит, *какая-то сестра*. И было чудно им, что она их *сестра*, а из этих есть *какие-то далекие братья*» [Шмелев И., *Веселый ветер*] (с. 217).

Вторая разновидность семантической девальвации –

деконструктивная мультипликация, т.е. нанизывание форм родительного падежа, маркирующее крайнюю отдаленность родства и тем самым девальвирующее описываемые родственные или уже псевдородственные отношения. [...] Пример: «Не помню только, кто она. То ли *тетка троюродной племянницы*. То ли *вторая жена первого мужа золовки тещи*» [Хинштейн А., *Какого цвета страх*] (с. 219).

Третья дискурсивная модель –

интеррогация, т.е. использование ТР или ТС, сопровождающееся вопросом относительно их значения и создающее языковой конфликт, при котором один из собеседников уже не понимает (или делает вид, что не понимает, не желая употреблять) значения того или иного ТРС. [...] Пример: «Судя по твоей *матери*, ты хотел бы полноправного домостроя. Разве не так? *Жена* да убоится *мужа* своего. Бия де-

тей в молодости, получишь утеху в старости. *Свекор, свекровь, невестка, зять* и как там еще по домашней иерархии?» [Бондарев Ю., *Искушение*] (с. 221).

Четвертая дискурсивная модель,

показывающая, что традиционная русская СТР начинает расшатываться уже в начале XIX в. – это *эпратив*, т.е. нарочито ошибочное употребление ТС. [...] Так, активно обсуждается вопрос об употреблении слова *шурин* в повести Н.В. Гоголя «Шинель»: «И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах. Осмысленное употребление лексемы <шурин> имеет пресуппозицией ситуацию <наличие жены>» [Овечкин 2012]. В этом случае, как мы полагаем, [...] русские писатели XIX в. уже как бы посмеиваются над терминологией родства и свойства современного им крестьянства и мещанства, уклоняясь от использования таких слов в отношении своих персонажей иных сословий. Добавляет абсурдности к этому пассажи и подчеркивает нарочито преднамеренную постановку ТС *шурин* в нелогичный контекст то, что *шурин* Акакия Акакиевича Башмачкина никак не мог бы носить ту же самую фамилию (с. 226).

Авторы обращают внимание, что выявленные дискурсивные модели

представляют собой недостаточно изученную область коммуникативного синтаксиса, и одна из уже видимых сложностей изучения этой проблемы заключена в том, что эти эффекты не имеют определенной привязки к литературной форме, жанру или тематике текста. Пока понятно одно: наблюдаемые явления тесно связаны с образными и аксиологическими компонентами концептов, манифестируемых в текстах (с. 232).

Рецензируемая монография содержит множество интересных наблюдений в диахроническом, стилистическом, аксиологическом, дискурсивном, культурологическом аспектах, на которых нет возможности остановиться в рецензии. Выводы авторов сопровождаются большими списками цитат из классической и современной художественной, мемуарной, научной литературы, из интернет-источников, подтверждающих их объективность. Книга *Русские термины родства: Опыт исследования коммуникативного дискурса* В.А. Попова и А.А. Бурыкина может быть полезна и русским, и иностранным читателям, представителям разных гуманитарных наук.

Ольга Трофимова, д-р филол. наук, проф.

ORCID: 0000-0002-0577-2443

Кафедра русского языка и общего языкознания

Тюменского государственного университета

e-mail: otrofim@rambler.ru